

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

«Уехать? И тлеть душой...»

Специальная военная операция в приграничных районах Белгородской области отняла у людей все, кроме последней надежды — на мир

Разрушенный дом и сожженный автомобиль на Центральной улице в Козинке. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

07:20, 2 ноября 2024,

Нина Петлянова, Алексей Душутин

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

На въезде в село Козинка (Грайворонский район Белгородской области) недавно исчез дорожный указатель с названием населенного пункта. Не сбит, не упал, а пропал, словно и не было. Жители почти уничтоженной Козинки решили, что это последний гвоздь в крышку гроба: нет села – не надо и указателя.

До начала специальной военной операции Козинка считалась не такой уж незаметной точкой на карте: здесь проживало почти полторы тысячи человек. Сейчас осталось не более полусотни. Большинству козинцев сегодня некуда вернуться: их жилье в селе или совсем уничтожено, или серьезно повреждено.

Восстановить все разрушенные дома в Козинке обещали не позднее 15 октября. Такие заявления делали районные чиновники во главе с губернатором Белгородской области Вячеславом Гладковым, лично приезжавшие в село в мае. Но до сих пор здесь ни в одном доме ни одно окно не вставлено. Несмотря на это местные продолжают верить тем майским обещаниям. Не слышат или стараются не слышать о принятых властью новых решениях: больше вообще ничего не восстанавливать в 30-километровой зоне от российско-украинской границы. Люди не готовы смириться с тем, что им здесь больше не жить. Они уже остались без электричества, воды, газа. К ним полгода как не ездят пожарные, скорая помощь, полиция. Но козинцы продолжают, как они сами говорят, выживать там, где прошла вся их жизнь, все меньше надеясь, что откуда-то придет помощь, и все больше понимая, что рассчитывать можно только на себя.

Въезд в Козинку, «зубы дракона» вдоль дороги. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

В Козинке говорят на суржике — смешанном русско-украинском языке. Два народа столетиями жили рядом и не просто ездили в гости друг к другу, а вместе учились, работали, дружили, женились, рожали детей, отмечали праздники. Язык стал общим, как и все остальное. Иногда эта речь непонятна, иногда поразительно точна. Например, козинцы жалуются, что из-за отсутствия света нельзя «подивиться на новости» в телевизоре (по-русски — посмотреть). Но когда удается вдруг оживить «ящик», местных несказанно удивляет, что в федеральных новостях никогда не звучит название «Козинка». Будто села не существует, вместе со всеми его бедами...

Козинка — маленький населенный пункт на границе России и Украины. Самые дальние дома находятся в пяти километрах от Харьковской области, самые ближние — в двухстах метрах, только поле перейти. Почти все здешние жители с тоской вспоминают, как в прежнее мирное время ходили пешком или ездили на велосипедах в соседнюю украинскую Лукашовку (3-4

км от Козинки). Там, с нескрываемым сожалением рассказывают люди, всегда вкуснее были масло, творог, сыр, колбаса...

Почти у всех за чертой, пересечь которую два с половиной года назад стало невозможno, остались родственники, друзья, знакомые. И здесь тех, кто по ту линию фронта, никто не называет ни «противником», ни «врагом».

Близость к границе, еще недавно казавшаяся удачей, предрешила судьбу села. Резко опустела Козинка в марте этого года, после второго захода сюда украинских военных. Всего ВСУ заходили в Козинку дважды (факты подтверждены официальными сообщениями министерства обороны РФ) — в мае 2023-го и в марте 2024-го. Третья попытка прорыва в августе этого года не удалась: на этом направлении российская армия контролировала рубежи. А мартовский прорыв — в дни выборов президента России — здесь называют самым страшным.

— В том мае не было беспилотников, а в этом марте они кружили как мухи, — говорит жительница Козинки Валентина Михайленко. — В мае били только окраины, а в марте — все кругом: улицы, дома, магазины, таможню, детский сад и школу. Центр разбили весь. И все это длилось несколько дней. Не стало ни света, ни воды, ни газа — ничего. Страх был жуткий. И нам просто некуда было спрятаться. У нас даже погребов нет.

Валентина и Николай Михайленко. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

У Валентины (она сейчас работает медсестрой в Грайворонской больнице, а до последних событий 37 лет занималась той же работой в козинской школе) и Николая (бывший таможенник, сейчас на пенсии, инвалид второй группы) Михайленко — большой и уютный дом. Ванная комната и туалет не на улице. Вместительная кухня на случай приезда гостей, детей и внуков. У Николая Михайловича — в доме своя мастерская. Он собирает по селу обломки дронов, извлекает из них аккумуляторы (самое ценное в БПЛА, по его словам) и делает из оружия полезные вещи — двигатели для скутеров, детские игрушки, мощные фонари и многое другое. Рядом с домом у Михайленко — огромный огород, сад и пасека. Пчел хозяин держит уже не один десяток лет.

— Почему мы не уезжаем? — переспрашивает Николай Михайлович. — Потому что как только мы уедем, сюда заселятся военные. Спутник это увидит, и дом сразу разобьют или спалят. Другая причина — мародеры. Все, кто из села

выезжал, когда возвращались, видели, что у них в домах все перевернуто. Все ценное исчезло. Даже полы вскрывают: ищут деньги, драгоценности... Страшно смотреть. Нельзя бросать дом просто-напросто. И еще я тут всех собак и кошек кормлю — своих и соседских брошенных. Как их оставишь? На кого?

Мартовский прорыв — единственный, заставивший семью Михайленко попытаться уехать из Козинки.

— Все началось 14 марта после обеда, — Валентина нервничает, вспоминая о тех днях. — 15 марта мы уже не могли выехать: беспилотники не давали нам даже из дома выйти. А у нас во дворе собаки, кошки. Их надо покормить. Ждали заташья и бегом кормили, а над нами жужжали беспилотники. 16, 17, 18 марта прожили так, и только 19 марта нас вывез наш бывший директор школы. Забрал свою жену, меня, мою сестру и соседку. Больше места в машине не было.

Николай старался выехать сам на своем стареньком автомобиле, но не смог.

— Глава администрации Грайворонского района Геннадий Бондарев повел себя «очень хорошо», когда я попросил о помощи, — не скрывает иронии мужчина. — Звоню ему: у нас хлеба нет, воды нет, бензина нет — ничего нет. Пожалуйста, вывезите. Или, поскольку тероборона как-то начала проскакивать, передайте с ней 20 литров бензина. Глава в ответ: «У меня у самого бак пустой». А через несколько часов его кортеж проехал по Козинке мимо нашего дома в центр. Даже не приостановился.

Потом односельчане мне рассказали: Бондарев приехал с корреспондентами, давал интервью.

Через пару месяцев, по рассказам козинцев,

Бондарева наградили «за эвакуацию мирных жителей».

Вера (50 лет, бухгалтер) и Валентин (56 лет, учитель труда в школе) Северины тоже прожили в Козинке всю жизнь. Их двухэтажный дом по уровню комфорта и качеству постройки вполне может соперничать с особняками состоятельных людей. Вера вышла замуж и переехала в Козинку, когда ей было 18 лет, мужу, жившему здесь, 24.

Вера Северина. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Мы женаты 32 года, и 32 года мы строились, — рассказывает женщина. — Считай, всю жизнь свой дом создавали. Все до копейки в него вкладывали. Вырастили быков, сдали на мясо — купили кирпич. И так все время. В позапрошлом году девять

коров и быков сдали. Выручили 600 тысяч. По нашим меркам, очень большие деньги. Везде сделали ремонт, положили теплые полы, все сделали для того, чтобы жить комфортно. А теперь уехать? Мы не можем на это решиться. Уехать куда-то, где-то снимать жилье, а душой тлеть: как здесь наш дом? Он же еще живой. У нас всего лишь разбиты три окна. И тут все наши животные, наши растения, мы же не можем оставить все это...

Северины тоже не покидали Козинку до марта этого года. А в марте смогли. Уехали стремительно и внезапно, когда смерть подошла слишком близко.

— Тогда здесь были сильные обстрелы, мы неделю держались, — продолжает Вера. — 14 марта всю ночь стреляли. Некоторые в селе подсчитали, что с девяти вечера до шести утра было двести прилетов. Над нами летели снаряды. Мы сидели в погребе. А утром вышли управляться во двор. Хотя бы сена скотине дать. Сено взяли. С сенника несем. И прямо над нами дрон. Мы бегом в сарай. Раздали скотине сено. А выйти боимся. Дрон висит над нами. Часа через два рядом проехала машина. Дрон с нас переключился на нее. Машину разбил. А мы только так и смогли выйти из сарая. Сели в машину и удрали. Скотина осталась привязанная. И потом три дня — 15, 16, 17 марта — никто не мог заехать в Козинку. Туда вообще нельзя прорваться было. Мы очень переживали за хозяйство, за скотину. Все время представляли: вернемся, а животные лежат на привязи дохлые...

Валентин Северин. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Добрые люди — Вера подозревает, что бойцы одной из армий, — отвязали скотину. Быки и коровы выжили. Но хозяйка для себя решила, что второй раз такую слабину не даст, кто бы ни зашел в село.

— Мы будем здесь сидеть до последнего, — уверенно говорит Вера. — Нас не выгоняют? Не выгоняют. Другое дело — Безымено, Новостроевка, Колотиловка — их закрыли. Нас — нет. Если дом разобьют, соберем свое ничего и уедем. А так не бросим родное гнездо. Мы всю жизнь в него вложили. Из последних сил надеемся, что нам удастся здесь оставаться до конца <...> (*в Козинке, как и везде в приграничье, никто не называет происходящее спецоперацией. — Н. П.*). Надеемся, что все-таки оно притихнет, что ребята отстоят нашу границу. Может, это громкие слова. Но почему-то верится, что ребята справляются. Много ошибок допущено. Мы же видим. Но это же не ребят ошибки, а тех, кто их допустил. Эта <...> не нами начата. Мы многое не понимаем. Нам многое не рассказывают. Но

сердце останавливается даже оттого, что мы видим...

Валентин переживает не только за свой дом, но и за село, брошенное всеми экстренными службами.

— Как отсюда уедешь? Вот три последних дня мы тушили в полях пожары. Пшеница горела. Подожгли. Всей Козинкой тушили. Ну как всей, те, кто мог, — это семь человек. Ведрами, ранцами для тушения пожаров, всем, чем было... Устали все тут и ждут, когда настанет тишина. Закончится все. И мы будем жить так, как раньше жили.

Козинцы тушат горящие поля. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

У Севериных на попечении еще и самая старая жительница Козинки — 86-летняя баба Шура. Александра Дмитриевна Северина приходится Вере крестной и дальней родственницей. У бабы Шуры плана отступления из села вообще нет. Она живет

на улице, ближайшей к границе. Одна в своем доме и на всей улице.

— Никого тут нема. Все поуезжали, — в воздухе рукой чертит полукруг пожилая женщина в пестром халате и косынке. — А я не боюсь ничего. Ни грамма. Я все время тут, с самого начала <...>, никуда не выезжала. И все время, сколько эта бойня идет, я никогда в подвал не ходила. Ни разу. Бог бережет. Хотя разрушений богато. На каждой улице. Многие дома сгорели. Но мне ничего не страшно. Я уже привыкла до всего.

Александра Дмитриевна Северина. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Баба Шура помнит войну, которую пережила ребенком. Отец ушел на фронт, мать работала в колхозе. Пятилетняя Саша опекала двухлетнего брата.

— Как-то с братцем сидим на печи, а он все что-то плачет, плачет, мне не успокоить, — вспоминает Александра

Дмитриевна. — А тут заходят в хату два немца, и один подходит к печке. Вот с таким кинжалом. И показывает брату: молчи, а то зарежу. Очень меня это напугало. А вечером пришел другой немец. Принес нам сахар, хлеб, консервы. Взял братца на ручки, ходит по хате и показывает мне на пальцах: у меня дома два киндера таких же... Разные были и немцы, разные и наши. Да и сейчас люди разные, — баба Шура то и дело в разговоре проводит параллель между событиями, пережитыми ей в начале жизни и сейчас. Но долго говорить не хочет. Плачет.

— И там люди страдают, и тут. Такие же простые, як и мы. Если бы кто-то лет 10–15 назад сказал мне, что такое будет, да никогда бы не поверила. Никогда! С Украиной! Братская страна. За что, про что, не поймешь, — старушка прячет лицо в ладони и молчит. — Хочу, чтобы мир был. Мира хочу. А так уже и жить не хочется. Уже думаю порой: лучше умереть, чтобы не бачить это... Такая жизнь... На что она нужна?..

У бабы Шуры в Украине, в Сумской области, осталась родня — дети брата, племянники и племянницы. Они хотели забрать ее к себе до спецоперации, но не успели.

По словам Севериной, сейчас это единственное, что не дает ей со спокойной душой умереть — «не попрощались даже».

За пожилой женщиной, живущей у самой границы, ухаживают стоящие в Козинке бойцы. Они этим летом притащили ей генератор (стоит такое удовольствие от 30 тысяч рублей, купить его могут далеко не все козинцы). Теперь у бабы Шуры — и свет, и вода, и телевизор.

«Подивившись» на последние новости, Александра Дмитриевна

обрушивается с критикой на власть:

— Вот показывают Донецк, как отстраивают, обустраивают его. А тем временем тут свои люди скитаются кто где. Не могут им ничего построить. Своим не могут. Пускай кто хочет что хочет кажет. Но я так бачу: если тех освободили, то нас, считай, в подвалы загнали. Свои люди бомжами стали...

Еще в мае козинцев, как и всех остальных жителей Грайворонского района, местные чиновники успокаивали тем, что восстанавливать жилье начнут, как только «стабилизируется оперативная обстановка». Возможно, как говорят местные жители, «вешали лапшу на уши». Возможно, и впрямь рассчитывали на это. Но недолго. В Козинке за июнь и июль добили недобитые частные и многоквартирные дома, школу, детский сад и церковь. В августе ВСУ попытались прорваться в Колотиловку, Безымено и Козинку. После этого село покинули многие из тех, кто не намеревался этого делать.

Вид на козинскую школу из окна разрушенной трехэтажки на Центральной улице. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Пенсионеры Евгений Викторович и Лидия Павловна Шматко жили в трехэтажке на Центральной улице. Одной из тех, что серьезно пострадали еще в марте.

— 14 марта так начали стрелять, что повылетали все стекла, — рассказывает Лидия. — Мы сначала думали: ладно, сумели нас украинцы обстрелять, но придет же помочь. Отобьемся. Но вечером еще хуже стало. Людей начали вывозить. Кто-то сам убегал. Мы с мужем отказались. Прятались в подвале трехэтажки и надеялись, что к утру наши все равно приедут. Освободят. Но оказалось, что у них совсем другие планы были. В итоге мы безвылазно сидели в подвале целую неделю. Нас так обстреливали, что мы вообще не могли носа показать на улицу. Мы слышали такой грохот, что казалось, крыша дома упала, и стены наружные с ней вместе. Ждали, что полежем под грудой кирпичей. Но оказалось, что снаряды сбивали балконы, попадали в квартиры, межкомнатные стены рушились. Еды

никакой не было у нас. Когда минуты затишья случались, забегали в любую квартиру, двери-то все повыбивало, стены посносило, а у всех людей в хлебницах хлеб остался, в холодильниках колбаса...

Лидия Шматко в доме знакомых. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Когда мы через неделю выползли на улицу, то не узнали свой двор, — качает головой женщина. — Все деревья побиты. Даже толстые дубы, которым по 30 лет, упали. Сирень двухметровая росла во дворе, я десять лет назад ее сажала, 13 кустов, эти кусты срезало как траву, как будто и не было их. Абрикосы, слива, черемуха, липы, каштаны — все посрубало. Весь двор изуродовало... На дом взглянули — ужас! Весь побитый. Крыша пробитая. Людям залетали снаряды в комнаты. Груды кирпичей лежали, на них обломки мебели.

С марта семья Шматко так и жила в подвале трехэтажки. Сначала потому, что некуда было идти, а переехать в пункт

временного размещения они ни за что не соглашались (скученность и убогие условия в ПВР уже ни для кого в Белгородской области не новость). К тому же в квартире Шматко каким-то чудом уцелела мебель, и небогатой семье хотелось ее уберечь от мародеров. А потом, в начале мая, в Козинку приехал губернатор Гладков с делегацией подчиненных и заверил, что дома на Центральной улице скоро отремонтируют. К 1 октября — железно. Ремонта пенсионеры так и не дождались. Дождались пожара.

Евгений Шматко у подъезда своего разрушенного дома на Центральной улице. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Если бы нам тогда сказали: все, бросайте дома, здесь больше нельзя находиться, здесь будут еще военные действия, мы бы остереглись, но нам ничего такого не сказали, — продолжает Лидия. — А утром 17 июня прилетел дрон. Не знаю, что он такое сбросил, но что-то зажигательное. На первом этаже начал гореть медпункт. Там было разбросано много бумаг. Быстро

разгорелось. А затем пластиковые трубы, водопроводные, отопительные, начали плавиться. Они очень хорошо горят. Огонь пошел на второй этаж. Затем моментально перешел на третий, за какие-то полчаса. Жарко, ветер. И всего за час вся крыша стала гореть, целиком. А за два часа весь дом сгорел полностью. Из квартиры мы не спасли ничего. Хорошо, что сами спаслись.

Погорельцев Шматко из жалости пустили к себе жить знакомые из соседнего села Замостье. Выделили бездомным комнату. Бесплатно. Неизвестно, на какое время. Но Лидия Павловна все еще ждет комиссию, надеется, что та оценит ущерб и им с мужем или предоставят другое жилье, или построят новый дом на месте прежнего.

Разрушенная квартира семьи Шматко. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Таких оптимистов в Козинке крайне мало. Сегодня почти все здесь уже усвоили на опыте (своем или чужом) — нужно до

последней возможности любыми способами беречь то, что есть. Получить что-то взамен — или деньги, или жилье — надежда зыбкая. Пока себя не оправдавшая. Никто из козинцев, потерявших крышу над головой, новоселье еще не спровоцировал.

В сентябре Вячеслав Гладков публично признал, что темпы восстановления жилья в приграничных районах Белгородской области крайне медленные. «Шансов на то, что мы выполним обещанное в срок, нет», — признался губернатор.

Белгородская область

КУПИТЬ

Этот материал вышел в первом номере «Новая газета. Журнал». Купить номер можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Чем больше бездействие — тем больше умрет»](#)

Не менее двух тысяч суджан, по неофициальным данным, остаются в оккупированных районах Курской области. Что их ждет? Голод, холод и огонь с обеих сторон

12:18, 15 октября 2024, Нина Петлянова, Алексей Душутин

«Это была пороховая бочка»

О людях, которые пережили Армагеддон в Торопце. Репортаж «Новой»

15:10, 21 сентября 2024, Нина Петлянова, Алексей Душутин